

Виктор Николашин

**НЕ ТОЛЬКО
ЕДА**

Книга первая

Часть первая

Виктор Николашин

Не только еда

Книга первая

Правила игры

УДК 82
ББК 84(2)РУС
Н63

Н63 Виктор Николашин

Не только еда, книга первая часть первая. М. 2018 – 184 с.

ISBN 978-5-4465-2015-2

Друзья! Поскольку это предтиражное издание делается исключительно для вас, и не пойдёт в широкую продажу, то я надеюсь, что именно эта редакция книги вам понравится. Здесь должна быть аннотация, и можно написать и про Варягов, и про войну добра со злом, и про историю, или – как в большинстве книг – сделать просто краткий пересказ начала книги, но давайте лучше я вас поспрашиваю, ведь так гораздо интереснее:

- Что именно смотрит из тёмного угла, когда ты ложишься спать, и чьи взгляды ты чувствуешь на себе ночью?
- Что приходит к тебе среди ночи, когда ты - проснувшись от чьего-то присутствия - в ужасе лежишь, не способный пошевелиться?
- Что нападает на тебя, когда в людном месте вдруг неожиданно накатывает волна помрачения и слабости?
- Может ли оно тебя убить?
- Как с этим бороться?
- Можно ли победить?

© Виктор Николашин

Мама и Бабушка! Я вас очень люблю!

Часть первая

Школа выживания

Если вы не верите в призраков,
Это ещё не значит, что призраки не верят в вас.

1181971317998676033065144972530709341803

Сергею не спалось.

С тех пор, как мама уехала в командировку, каким-то абсолютно мистическим образом нарисовавшуюся там, откуда не ждали, в его квартире начали происходить какие-то странные вещи. Вот уже третий день по ночам с кухни и коридора раздавались то какие-то стуки, то скрипы, и всё это время — с тех пор, как стемнеет, и до самого утра — его не прекращало преследовать ощущение, что за ним постоянно кто-то смотрит, то из тёмного угла за креслом, то из неосвещённого коридора, то из-за шкафа в большой комнате. Естественно, что там никого не было, но вот это вот ощущение взгляда не переставало его тревожить. Он пытался закрывать дверь в свою комнату, но тогда появлялось ещё более пугающее ощущение от того, что за ней кто-то есть.

Он пытался оставлять свет включённым, но тогда он не высыпался вообще, а вставать надо было в шесть утра, чтобы ехать в колледж, чуть ли не на другой конец города, а три раза в неделю у него была акробатика, после которой он вообще приходил выжатым как лимон. Тем более что класс был выпускным, и на следующий год ему надо было поступать в медицинский. Списав это на то, что мама уехала в двухнедельную командировку и он впервые так надолго дома один, Сергей просто пытался не обращать на это внимание.

А вчера ночью произошло нечто, вообще не входящее ни в какие ворота. Сергей проснулся от странного звука, как будто какой-то камень упал на бетон этажом выше, и немного попрыгав, остановился. Он прислушался к темноте. Неожиданно возникло чёткое ощущение того, что на угол его кровати, в ногах, село или забралось что-то тяжёлое, от чего матрас прогнулся и одеяло слегка натянулось. Он попытался пошевелиться, но не смог. Ужас, первобытный животный ужас заполонил Сергея, он не мог не то что закричать, но даже просто открыть глаза. В парализующей, неподвижной и беззвучной панике он ощущал, как это нечто двигается по кровати к его груди и голове, и никак не мог этому помешать. Он почувствовал, как нечто заползло ему на грудь, и услышал и ощутил его дыхание в лицо. Сергею стало нечем дышать.

Вдруг он каким-то образом понял, что в дверном проёме появилось нечто, нечто большое и не менее страшное, и услышал едва различимый, зловещий полушёпот-полусвист:

— Хисsss... Хисsss...

Нечто остановилось, спрыгнуло с кровати (Сергей это чётко почувствовал), и его тут же отпустило, но он всё равно не решался открыть глаза до тех пор, пока это что-то большое, пугающее и тревожно опасное не исчезло из дверного проёма.

Сергей — как интересующийся медициной и собравшийся поступать на хирургический факультет — весь текущий вечер провёл в интернете, пытаясь выяснить, что же такое ночью с ним произошло. Википедия выдала статью про сонный паралич, но ни ранней симптоматики, ни групп риска, ни предшествующих признаков там описано не было, да и вообще — заболеванием это не считалось. Единственное, что было там указано, что почти восемь процентов людей как минимум один раз в жизни это пережили и что чаще всего это явление встречается у больных нарколепсией. У них это явление было у сорока пяти процентов заболевших, но этих заболевших всего двадцать-сорок человек на сто тысяч, и они просто более качественно относятся к своему сну и всему, что с этим связано. И многие из обычных людей попросту не заявляли о том, что с ними такое происходило вообще, так что всё, что он узнал, это то, что никто ничего не знает и что это явно не болезнь.

А этой ночью он не спал.

Он ворочался, пытаясь улечься и так и эдак, но сон к нему не шёл от слова «совсем». Шёл уже первый час ночи. Сергей всё так же чувствовал, что через незакрытую дверь за ним наблюдают из тёмного угла соседней комнаты. Это его тревожило, но он не знал, как к этому относиться.

Вдруг раздался звонок в домофон. Сергей насторожился, но решил не подходить. Мало ли кто ошибся, или это БОМЖ какой-нибудь прозванивает все квартиры в надежде, что ему откроют и он сможет в подъезде переночевать.

Домофон отпищал свою трель, но через несколько секунд снова начал звонить. И тут Сергей почему-то понял, что надо обязательно подойти к нему. Странное чувство охватило его, и он даже не заметил, как за окном погасли все фонари.

Неожиданно для себя встав с кровати и подойдя к домофону, он странно медленно снял трубку и включил связь.

— Помогите! Откройте! — раздался в трубке рыдающий детский голос, судя по тембру — принадлежавший девочке лет двенадцати. — Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей вздрогнул. Такого он не ожидал. Голос был очень похож на голос дочки соседней из квартиры напротив.

— Откройте! — рыдания стали настолько сильными, что в голосе послышались панические всхлипы. — Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей нажал на кнопку. Перед тем, как отключиться, домофон передал писк и лязг открывающейся двери. Сергей остался у двери и стал наблюдать в глазок. Странное чувство наполнило его. Какая-то скрытая тревога тягестью надавила на солнечное сплетение.

На его этаже остановился лифт. В глазок Сергей увидел, как из него вышла плачущая девочка лет двенадцати, абсолютно незнакомая и как-то странно одетая, вроде бы так, а вроде бы и не так. И направилась она прямо к его двери. Девочка рыдала взахлёб.

— Откройте! — плача, взмолилась она. — Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей смотрел в её кажущиеся бездонными глаза. Он не видел ничего, кроме её глаз, всё остальное как бы исчезло из его сознания, отошло на второй план, растворилось в каком-то мареве.

— Откройте! — снова прорыдала девочка. — Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Онемевшей рукой Сергей потянулся к ключу. То, что губы девочки не двигаются, а голос звучит как бы в его голове, он не замечал. Дважды медленно провернулся замок, и он открыл дверь навстречу этой девочке.

Дверь распахнулась, и волна непонятного чувства тревоги так резко нахлынула на Сергея, что он невольно попятился назад по коридору.

— Помогите! — рыдала девочка, входя к нему в квартиру, и странное, как будто обратное эхо сопровождало её восклицание. — Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

От какого-то неощущаемого сквозняка дверь медленно закрылась за её спиной. Сергей стоял в нескольких метрах от неё и — не в силах сдвинуться с места — замороженно смотрел на то, как она медленно приближается.

— Помогите! — снова прорыдала девочка и потянулась к нему своими руками со странно узловатыми пальцами. — Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей с ужасом увидел, как её уголки губ странной едва заметной складкой уходят куда-то назад, за уши, а зубы неестественно острые. От девочки повеяло холодом. Пошевелиться он не мог.

Девочка продолжала приближаться. Она больше не рыдала, а её рот вдруг скривился в какой-то странной ухмылке, приоткрывшись чуть ли не до ушей и показав длинный ряд из множества кривых и острых, как иглы, зубов.

Чудовище подошло к Сергею, взяло его за запястья и, ухмыльнувшись, прошипело:

— Откройте! Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Тварь потянула руки Сергея вниз, и он медленно встал на колени. Его глаза оказались точно напротив неестественно увеличившихся глаз чудовища. Они были бездонно чёрными. Ни отблеска, ни блика, словно две дыры в никуда. Взгляд парня как будто тонул в них, пропадая, и он не мог ни моргнуть, ни отвести в сторону свои до рези высохшие глаза. Пасть зверя медленно начала открываться, и на Сергея пахнуло запахом плесени и гнили.

— Помогите! — раздавалось у Сергея в голове, только это теперь был какой-то совсем уже не детский, а страшный, но чарующий голос, полностью захвативший волю подростка.

Чудовище медленно сжало руки Сергея. Затрещали кости. От боли юношу выгнуло назад, и он — запрокинув голову — беспомощно ждал развязки происходящего. Больше ничего он сделать не мог. Дрожащая от зла и нетерпения распахнутая пасть неумолимо приближалась к его горлу. Чудовище ухмыльнулось и лизнуло его шею мерзким длинным покрытым наростами языком.

Оно не торопилось, оно наслаждалось происходящим.

Ничего нельзя было поделать.

Сергей полностью подчинился ей.

Челюсти медленно сдвигались, кончики острых кривых зубов дотронулись до шеи Сергея и прокололи её. Пошла кровь. Липким языком тварь попробовала её на вкус и чуть разжала челюсти с тем, чтобы с силой вонзить их в горло беззащитного обречённого.

Вдруг тварь замерла.

Всё так же не отпуская рук Сергея, она отвела пасть от его горла и повернула голову на сто восемьдесят градусов, уставясь себе за спину.

Чудовище удивлённо смотрело на меч, упёртый между его лопаток.

Подняв взгляд, оно посмотрело в лицо средних лет мужчины, держащего этот меч так, как будто он вот-вот вонзит его чудовищу в хребет.

Тут же его морда преобразилась в лицо несчастной девочки, и тварь в слезах прорыдала:

— Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

— Не-а! — покачал головой мужчина. — Не прокатит!

Мгновенно тварь оскалилась, отпустила руки Сергея и издала рык, но тут же превратилась в клокочущий коричневый дым, который всклубился, бурля, и исчез, как будто ничего не было.

Меч, пронзив остатки дыма, воткнулся в пустоту. Хлопнула оказавшаяся распахнутой дверь.

— Я вернусь! — гулко прорычал злобный голос в подъезде.

— Я знаю! — ответил незнакомец и повернул ключ в замке.

— Что это было? — дёрнувшись, словно сбрасывая с себя навалившийся морок, хрипло спросил Сергей.

— Встань с колен и надень штаны! — произнёс незнакомец. — И шею одеколоном промой, не хватало нам смерти от трупного яда.

Сергей медленно, словно бы очень устало, поднялся на ноги и оглядел свои руки. На запястьях наливались синяки. В памяти пронеслось произошедшее, и тут он осознал, что как встал с кровати в одних трусах, так перед этим мужчиной сейчас и стоит.

— Вы кто? — спросил он у незнакомца.

— Сначала штаны. Потом поговорим.

— Кобыла! Кобыла! — кричали дети, бегая вокруг. — Смотрите, люди! Варяг на кобыле едет!

Смерды пытались не улыбаться и натужно прятали в горле свои смешки, старательно отводя глаза и пытаясь одновременно и смотреть, и не смотреть. Лицо Варяга было каменным и не выражало ничего.

Варяги никогда лошадей не любили. Войдя в Новгород на отобранном пару лет назад у норманнов-викингов драккаре, первое, что они сделали, это прямо на причале узнали, где можно купить боевых коней. Новгород — город большой, но Варяги ничего не понимали ни в боевых лошадях, ни — тем более — во всём, что с ними связано, более того — на лОдьях и драккарах лошади делать нечего. На лодье-то точно, драккар-то побольше будет, раза в два, чего он его и взял. Вместо двух лодий один драккар — и проще, и лучше, и люди все в одном месте собраны. Ох и намаялись они с ним на волховских порогах! Денег уйму потратили на припорожных помогальщиков. Весь Холопий городок впрягли. Всё прокляли! На брёвнах волокли. Только вёсла два дня таскали. Двое чуть не порубились вообще. Но чем больше корабль — тем лучше для Варяга.

А кобыла была хорошей. Сильной, мощной, статной. И запросили за неё достаточно её породе, вот только не сказали, что русские витязи на кобылах не ездят, а ездят на жеребцах. Старший сын, кстати, себе жеребца купил. Ехал он правее и чуть сзади и был мрачнее тучи, поскольку понял, что теперь по гробовую доску его отец будет «Кобыла», поскольку такое прилипает навсегда, как бы дело потом ни пошло. Знать бы ещё, как его прокличут... Ещё трое сыновей остались на драккаре, а младший же отправился в сопровождении мечника Ярия по рынку погулять и должен был подойти ко входу в детинец, чтобы представиться князю Симеону. Время было напряжённое, и встреча с князем в сопровождении наследника и младшего сына должны были показать степень доверия, поскольку с шестилетним ребёнком и наследником фамилии ни один вражина бы к князю не пришёл. А положение было напряжённым. Князь только недавно Новгород захватил.

Да и задача у него была серьёзная, на века. Тайная. Зло, которое купцы с собой из-за моря тащат, стало Русь ночами терзать, дрянь какая-то по ночам на людей нападает. Зло древнее, за Русским морем было, да сейчас с кораблями на нашу землю перешло. И, главное, по всей земле поползло! Даже домовые звереть начали, как будто их по ночам что-то гоняет. Кошки этих тварей видят, собаки чувят, но от этого не легче — только мелкая тварь кошек да собак боится, а как на страхе да горе людском отожрутся — не боятся больше кошек они. Бывшие в Новгороде рассказывали, как в тереме что-то из угла недобро взглянется и смотрит, и злой такой взгляд, даже через кольчугу чувствуется. А кошка в этот угол уставилась, и замерла неподвижно, и полвечера так просидела, а потом как сбежит! И на людей ночами нападать начало, отожралось, выдать. А хворого да слабого так вообще уходить может намертво. Из-за этого мор великий по землям пошёл — люди выздоравливать не могли, любая болячка деревнями, говорят, в странах тех народ выкашивала. Из Орды, говорят, везут и из-за Русского моря.

Вести же были одна тревожнее другой. Рассказывали, что во сне эти твари в человека входят и морочат его, и что поедом едят, и что нет тому человеку покоя, только лишь печаль-тоска, и делает он не то, что хорошо. Могут и вообще заморочить — дети сами в лес уходят непонятно почему, и не найти их потом. А то и жить могут за него, вообще тогда плохо: подсаживаются, человека нет, а тварь в нём за него живёт и в нём по земле ходит! Также говорили, что на князя Симеона такая тварь нашла, и что поэтому-то он на Новгород-то и напал, и что покоя ему нету, и что эта тварь его ушатает. Говорили, что как в Орду-то съездил, так там как будто подменили его.

А в Москве — так вообще в дома ночами приходят, и людей поедом жрут, горла выгрызают, обезображивают или утаскивают незнамо куда. И, главное, вот есть следы — а вот их и нету. Как сквозь землю провалились или улетели куда, даже крови нет.

А ещё говорили, что это зло — и не зло вовсе, а так, мелочь, по сравнению с тем, что из-за моря прибыть может, ежели так и дальше пойдёт. И что за морем оно над царями встаёт, и царей морит, морочит и с ума сводит, и что начинают они ради трона под идолом этой твари безымянной отцов своих травить да убивать, и что люди начинают зверствовать, и что земля ту тварь не держит, и многое чего. И что зло это может Варягов с порядка выморочить да вывести, и их надо будет снова как-то на троны возвращать. А вопрос-то века-другого! Вот Деда-то его и выбрали тайно Варягов рядом ветвью проложить. И ему, лазутчику, нужно было во что бы то ни стало зацепиться, закрепиться у Симеона, которого специально для этого в Новгород на несколько недель на мировую пригласили, и в бояре с улицы залезть, пока князь в Москву с Новгорода обратно не уехал. Сам же Симеон, естественно, ни о чём не подозревал.

И вот он здесь, в Новгороде, подъезжает к детинцу.

Младший уже ждал его, радостно улыбаясь и держа в руках маленького рысёныша, видать, только что купленного на рынке, с верёвочной петлёй на шее, предусмотрительно намотанной на руку, чтобы не убежал. Рысёныш — видно — был ручным и испуганно жался к мальчику, уткнувшись ему носом в плечо и дрожа огромными по его малому возрасту ушами. Видать, охотник подобрал и выкормил, а теперь продавать принёс. Варяг вопросительно посмотрел на Ярия. Тот развёл руками с выражением «Твой же сын, что я сделаю? Он захотел — я купил!».

На крыльце княжеского терема показался шут. К нему тотчас же подошёл какой-то холоп и — показывая взглядом на Варягов — стал что-то быстро нашёптывать на ухо дураку. Пару раз хихикнув, он деланно исподтишка указал на лошадь Варяга. Шут заулыбался и, внимательно осмотрев троицу, заголосоил:

— Кобыла, жеребец и кошка! Люди, радуйтесь! С севера зверинец привезли, нам на потеху, добрым людям на почёт! Кобыла пришла, жеребца привела! Главное, чтобы по весне не воевали, а то жеребёнка навоюют!

Холопы заржали. Старший сын со всего размаху впечатал себе руку в лицо. Он понял, как отныне звать его будут и что от «Жеребца» теперь не отмоешься. Сам же Варяг улыбнулся и расслабился, так как заметил, что из верхнего окна кто-то осторожно, но внимательно смотрит на них, изучает их реакцию, и нужно было составить о себе правильное впечатление.

— А кошка не блохаста ли? — между тем не унимался шут. — Как в горницу-то запускать, авось натрясёт!

Холопы снова засмеялись.

— Заткнись, дурак! — не выдержал старший сын. — Не видишь, что ли, над кем зубоскалишь?

Стражники-витязи, не смеявшиеся над шутками дурака, а внимательно следящие за гостями и происходящим, напряглись. Лицо Ярия окаменело, он подошёл поближе к увлечённому рысёнышем и абсолютно не смотрящему за происходящим мальчонке и положил ему сзади руки на плечи.

— Ну, дурак-то не дурак-то, а на крылечке я стою и вниз смотрю, как жеребец лютует! — рассмеялся шут, продолжая провоцировать гостей. — А ну как не пушу! Я-то по дуракам поди поглавнее князя разбираюсь!

Зрители снова грохнули смехом. Варяг поморщился. Сын явно не понимал, что происходит и что шут специально заводит его, а зрители — не холопы с воинами, а совсем другие люди. Нужно было срочно спасать ситуацию.

— А ты, смотрю, весёлый и на язык горазд! — улыбаясь, громко произнёс он. — А ну, как плясать-то умеешь, так же хорошо? А то малого попрошу, он тебе с кошки блох-то одолжит, с ними-то плясать веселее! Только всех потом верни, а то так люд честной тебя-то и запомнит, что дитё малое на блох шельмуешь!

Холопы снова засмеялась, но теперь над шутком. Витязи слегка расслабились и улыбнулись.

— О! Кобыла заржала, видать, понесла! — мгновенно переключился шут на него. — Несла-несла, да Варяга принесла! Где б таких кобыл набрать, что Варягами несутся?

— Так а чего не пляшешь-то? — осклабился Варяг. — Сам блох своих боишься растрясти? Боишься, что дворовый кот своих блох узнает? Смотрите, люди добрые! Шут кота на блох обворовал!

Тут уже засмеялись все — и холопы, и люд, смотрящий за происходящим, и стража князя заулыбалась, и какие-то мальчишки побежали, звеня ярким, прозрачным, залиvistым смехом и крича:

— Шут кота на блох обворовал! Шут кота на блох обворовал!

Дурак потерялся. Он замешкался, не зная, как на это отвечать. Его обыграли. Только он собрался что-то сказать, а из верхнего окна показалась рука в тяжёлых перстнях, которая махнула, и тут же два конюха подбежали и взяли лошадей под уздцы.

Варяг расслабился. Эту проверку он прошёл.

Ярию поднесли чарку, а к его младшему сыну подбежали две мамки, и все трое вопросительно посмотрели на Варяга. Ярию он едва заметно кивнул, тот убрал руки с плеч мальчика и принял чарку, но с мамками на женскую половину Варяг сына не отпустил. С собой взять решил и — когда спешили — положил ему руку на затылок и едва заметно подтолкнул к лестнице в терем.

— Смотрите, люди! Кобыла, жеребец и кошка к князю в горницу идут! — закричал было шут, но его никто не слышал. Все смеялись, и по городу несло:

— Шут кота на блох обворовал!

4282570969826315822754822336935978807060

Ник «Вятич» он выбрал практически случайно. Ему ножик подарили, который так назывался. Так его там и знали. Вопросов было как всегда больше, нежели ответов. И вот сейчас он снова и снова задавал себе один и тот же вопрос: что же он тут делает и зачем ему это всё.

Началось всё относительно недавно. Однажды — засыпая — он вдруг обнаружил, что перед тем, как провалиться в сон, его тело как-то странно вздрагивает, но перед этим он неожиданно для себя обратил внимание, что всегда перед этим он слышит какой-то странный возглас. Он стал следить за процессом своего засыпания и с уверенностью отметил эту странную закономерность: прямо перед самым сном он слышит какое-то эмоциональное восклицание, как правило — всего слово-два, или даже чей-то смех, потом тело странно дёргается, и он окончательно засыпает. Ненавязчиво пообщавшись на эту тему с друзьями (он совсем не собирался прослыть чокнутым или тому подобное), он обнаружил, что нечто подобное происходит практически у всех, ну, из тех, разумеется, кто хоть когда-то на это всё внимание обращал. Но никому это интересно не было.

Тогда он начал отслеживать этот момент и столкнулся со странной трудностью: когда он пытается сделать это намеренно, то у него отследить вот этот вот переход получается хуже. Тогда он стал ставить будильники через десять минут после того, как ложится засыпать. Так за вечер он мог поймать три-четыре подобных момента, и все они шли по подобному же алгоритму: постепенное затухание сознания, восклицание, тело вздрагивает и начинается сон.

Тогда он начал пытаться удержаться на этой грани своего восприятия и довёл этот свой новый навык до такого уровня, в котором он начал слышать не просто обрывочную фразу, а кусочек какого-то разговора, причём все эти разговоры были разными. Говорили разные люди, и голосами, которые не только не встречались ему за предыдущий день, но были и вообще полностью незнакомыми. Его очень заинтересовал данный феномен, он понимал, что прикоснулся к чему-то большому, важному и серьёзному.

И вот однажды он решился. Снова поймав это пограничное между сном и бодрствованием состояние и услышав чей-то диалог, он попытался вступить в разговор.

Естественно, он сразу же выскочил из этого состояния и проснулся. Привычно переставив свой мощный, доставшийся ему ещё от бабушки советский будильник на десять минут вперёд, на сей раз стал действовать осмотрительнее.

Разговор, к которому он при новой попытке подключился, был ничем не примечательным. Судя по голосу — мужчина в возрасте заигрывал с молодой девушкой. Он балагурил, она смеялась на его каламбурчики, и именно на этот её звонкий залиvistый смех он и настроился.

— Не помешаю? — мысленно спросил он, но его явно не слышали.

— Надо же, какой Вы интересный мужчина! — кокетливо щебетала девушка. — А если я Вас боюсь?

— А зачем меня бояться? — весело спросил её собеседник.
— А мне мама говорила не знакомиться с незнакомцами!
— А как же тогда Вы с ними знакомитесь? — деланно удивлённо спросил мужчина. — Для того чтобы познакомиться с незнакомцем, с ним нужно начать знакомиться, а мама Вам не разрешает!
— Ага, хитренький какой! Я вот с Вами познакомлюсь, а Вы мне что?
— А я перестану быть незнакомцем! — рассмеялся мужчина.
— Здравствуйте! — осторожно мысленно позвал он собеседников. — Не помешаю?
— Ух ты! — весело удивилась девушка. — Кто здесь?
— Да, действительно! — озадаченно поинтересовался мужчина. — Кто это здесь?
— А Вы меня действительно слышите?
— Да, слышим! — тон мужчины из озадаченного сменился на недовольный. — Что Вы здесь делаете?
— Да погоди ты! — внезапно раздражённо воскликнула девушка. — Какой голос молоденький! Кто ты?

Ты где?

— Да, собственно говоря, тут, — не понял он, как объяснить то, что с ним сейчас происходит. — А вы кто?

— Не «мы», а «я», — внезапно дружелюбно ответила девушка. — Какой у тебя хороший голос. Молодой, интересный. Кто ты?

— Вот именно!.. — начал было мужчина, но девушка перебила его:

— Да отстань ты! — И появилось ощущение, что мужчина как будто исчез, словно бы его выбросили куда-то, как будто бы отключили, и они как бы остались одни.

— Какой у тебя хороший голос! — снова начала девушка. — Молодой, красивый! А ты где?

Ему эта ситуация почему-то не понравилась, и он начал думать, как бы от этой девушки отвяжаться. Всё его внимание, однако же, почему-то было переключено на неё. Девушка же, видимо, как-то почувствовала это и начала его успокаивать:

— Постой! Не уходи! А как тебя зовут? Давай познакомимся! Ты такой милый! Ну где же ты? Ответь мне! Ведь это же не вежливо, в конце-то концов!

Он смутился. Да, действительно, это было как-то непорядочно. Ведь это именно он же влез в их разговор.

— Слушай, давай я тебе спою! — неожиданно предложила девушка.

И запела. У неё был красивый и мелодичный голос. Пела она очень хорошо. Слов в её песне не было, она просто напевала мелодию, какую-то неизвестную, странную и сразу же засевавшую у него в голове.

Он расслабился. Ему было очень хорошо. Думать ни о чём не хотелось, и через минуту-другую он просто про себя подпевал этой милой и замечательной девушке. Такой милой и такой замечательной.

— Где же ты, милый? — пропела девушка, не останавливаясь и продолжая поддерживать голосом мотив. — Давай, подпевай мне! Подпевай! Ты такой милый, такой хороший. Пой со мной. Я слышу тебя. Нам с тобой так хорошо! Подпевай, подпевай...

Мыслей никаких не было, он словно плыл по волнам её голоса, абсолютно не замечая того, что девушка стала петь на незнакомом ему языке. Её слова хоть и были непонятны, но очень нравились ему. Он как бы стремился навстречу этой песне, полностью открывшись её напеву.

— Где же ты, милый? — всё так же ведя эту мелодию, распевно спрашивала девушка. — Подожди немного! Я ищу тебя! Давай, пой со мной! Анда-агниш, рага-ак, илалия-ига-и, аку-хараш-инстанца, та-е-шиват хурта-мити, у-тавана та-верия, у-тавана та-верия, у-тавана та-верия. Подпевай!

— У-тавана та-верия, утавана та-верия, — пел он, не думая ни о чём.

— Какой ты умный, какой ты хороший. Какой ты молодец! — смеялась девушка. — Я ищу тебя, я иду к тебе. Пой, пой!

— Эй, лярва! Тебе здесь нельзя охотиться, это центральный город, а не областной! — вдруг раздался чей-то грозный незнакомый голос.

— Отстань! — ответила ему девушка. — Не видишь, он сам меня зовёт!

— У-тавана та-верия! — пел абсолютно не замечающий этого юноша. — У-тавана та-верия, у-тавана та-верия!

— Эй, парень! — обратился к нему незнакомец. — Не будь дураком! Прекращай петь!

— У-тамана та-верия — продолжал он напевать, не замечая происходящего.

— Придунок! Успокойся! Ты же её зовёшь! — встревоженно обратился к нему незнакомец. — Сейчас же перестань петь!

Девушка засмеялась. Голос её словно раздавался ближе, и смех этот был почему-то злой.

— У-тамана та-верия — пел он для неё, желая, чтобы она пришла.

— Парень, тебе же хана! Ты не знаешь, что зовёшь! — пытался докричаться до него незнакомец.

— Ой, да прекрати уже. Всё равно ты ничего не сделаешь, — сказала ему девушка. — Не видишь, что ли, этот умный мальчик сам зовёт и хочет меня.

— Парень! Если выживешь — зови меня! — обратился к нему незнакомец. — Имя своё никому не говори! Я Водитель! Запомни! Я Водитель!

А он всё пел и пел, и смех был всё ближе и ближе, и мыслей не было никаких. Девушка подпевала ему, и ему от этого было хорошо.

Внезапно раздался оглушающий звон советского будильника. Резкий, пронзительный, он словно встряхнул его, и он перестал петь и начал сбрасывать с себя это странное состояние одурманенности и просыпаться.

Девушка закричала, зло и разочарованно, как будто у неё что-то отбирают. Её голос удалялся.

— Не нашла! Не нашла! — кричала она.

Он испуганно вскочил и сел на кровати. Его всё ещё немного вело. Станный привкус на губах заставил его провести рукой по лицу, и он, осмотрев ладонь, обнаружил, что она вся в крови. На дрожащих и негнущихся ногах подойдя к зеркалу, он обнаружил, что из носа у него идёт кровь.

4013430705025172996809249930339625719427

Сергей сидел на кухне и дрожащими руками пытался размешать сахар в чае. Ложечка сильно билась о стенки чашки и больше гремела, чем размешивала воду. Его неожиданный спаситель сидел напротив и ждал, когда же тот успокоится. Его меч лежал на столе. На навершии висела чёрная бейсболка с аббревиатурой «DoY». Оба молчали. Ручка входной двери несколько раз качнулась вниз. Её явно пытались открыть снаружи.

— А вот и папарацци! — произнёс незнакомец, надел кепку и, взяв меч, вышел в коридор.

Открыв входную дверь, он молча показал кому-то меч, после чего снова закрыл её и вернулся на кухню. Сергей испуганно посмотрел на него.

— Кто там был? — спросил он. Его колотило.

— Да, не обращай внимания. Папарацци приходили, поняли, что ничего им тут не светит, и ушли.

— Какие папарацци? — не понял Сергей. — Журналисты, что ли?

— Если бы! — отмахнулся незнакомец. — Папарацци — это мы их так называем. Папратары, осквернённые. Служат этим всем. Занимаются зачисткой после нападений. А потом остаются ждать родных, чтобы память вычистить. Ну или просто уходят, и ещё одним пропавшим без вести становится больше. Но тут целых трое пришли, значит, эта тварь не сказала им ничего. Мощная, видать, раз их трое. Вообще тебя бы вычистили, даже с документов бы постирали.

— Как это — вычистили бы вообще?

— Сейчас объясню, — произнёс визитёр и достал из-за пояса нож.

Сергей испуганно вздрогнул.

— Да не бойся ты! — улыбнулся незнакомец. — Я тебе никакого вреда не причиню. И даже резать тебя не буду. Просто ровно сиди и не дёргайся!

С этими словами он подошёл к юноше, и расположил нож кончиком острия над переносицей чуть выше бровей на расстоянии пары сантиметров от головы. Неожиданно у Сергея возникло странное и непривычное ощущение в этом месте, которое пошло внутрь головы. Незнакомец медленно покрутил нож влево-вправо, как будто расширял какое-то отверстие остриём. Ощущение стало неприятным, в голове зазвенело. Сергей отдёргнулся.

— Что это такое? — спросил он.

— Что, сильно неприятно? — удивлённо поинтересовался незнакомец. — Ну дай тогда маленький кухонный ножик, им будет послабей. Только лезвие чтобы узкое было, так эффективнее.

— А зачем это? — спросил юноша.

— Морок ослабить. Нож давай.

Сергей дал ему овощной кухонный ножик, и тот продолжил свои манипуляции. Ощущение усиливалось, но уже не так резко, как минуту до этого. Через некоторое время незнакомец произнёс:

— А теперь закрой глаза. Я подвину ножик, а ты скажешь мне, влево или вправо он перешёл.

Сергей послушно закрыл глаза.

Непонятное ощущение переместилось в место над правым глазом.

— Вправо, по-моему, — сказал он.

— А теперь открой глаза и проверь.

Юноша открыл глаза. Нож действительно был над правым глазом.

— И что это значит? — спросил он.

— Ну, сейчас это не важно! — отмахнулся незнакомец. — Просто ответь мне, в первом классе вас сколько было человек?

— Ну, больше двадцати... — неуверенно вспомнил Сергей. — Может, даже тридцать. А что?

— А сколько из них ты вот прямо помнишь? — продолжил спрашивать незнакомец.

— Ну, человек десять-пятнадцать, наверное.

— А поточнее? Ну, вот как выглядели, как их звали, как себя вели.

Сергей, силясь, еле смог воссоздать образы примерно дюжины одноклассников.

— А теперь достань фотографию из выпускной группы детского сада. — попросил гость.

Не понимая, к чему тот клонит, Сергей сходил в комнату и, порывшись в выдвигаемых ящиках шкафа, извлёк старую папочку-памятный адрес, в которой справа были стандартные пожелания счастливой жизни, а слева — фотография их группы дошколят.

Он передал её гостю, тот посмотрел на фото и продолжил:

— Ну, вот смотри, тут два с половиной десятка детей, так?

— Ну так, — неуверенно ответил Сергей, всё ещё не понимая, к чему тот клонит.

— И в первый класс вас примерно столько же пошло, правильно?

— Ну да, правильно.

— А в девятом вас сколько выпустилось?

— Человек пятнадцать, — неуверенно ответил юноша. У него начала болеть голова.

— А остальные где?

— Ну, как где? — непонимающе ответил он. — В другие школы перевелись!

— А к вам сколько народу перевелось?

— Никто не переводился.

— Ну а теперь подумай: в каждой школе в первый класс приходит под тридцать человек. А из девятого уходят человек пятнадцать, остальные переводятся в другие школы. Правильно?

— Правильно. А клоните-то Вы к чему?

— А к тому, что ежели все так вот из школы в школу переводятся, то в каждой школе и должно в девятом классе быть всё так же по двадцать-тридцать человек, и все должны помнить, как много новеньких к ним в классы напереводилось. Однако же в каждой школе — даже при нескольких первых классах — количество детей в девятом в среднем в полтора раза меньше, чем в эту школу поступило. Классы даже объединяют, но никто из-за морока об этом не задумывается. И исключений из этого правила практически нет! Вопрос: куда в таких промышленных масштабах деваются дети из школ?

Сергея повело. Такую информацию осмысливать он не хотел. На миг у него очень заболела голова, но тут же в переносице вспыхнуло это новое странное непривычное ощущение, и боль резко прекратилась.

— Но стойте! У меня в лицее — когда я туда поступал — в десятом классе было тоже народу до фига! — воскликнул он.

— Так вы с нескольких школ-то в него и поступили. Плюс те, кто сразу же учились в нём. А сколько из них в другие лицеи перевелось?

— Ну, человека три или четыре, — неуверенно ответил юноша. — А что?

— А к вам сколько?

— Ни одного, — испуганно ответил парень.

— А ты их точно вспомнить можешь, ну, тех, кто от вас перевёлся?

Сергей попытался напрячь память, чтобы собрать разрозненные и тусклые воспоминания о своих соучениках, но у него почему-то ничего не получалось.

Новый приступ головной боли нахлынул на него.

— Это называется морок! — словно через подушку услышал он неожиданно почему-то начавший удаляться голос незнакомца. В глазах начало темнеть.

Незнакомец, увидев, что Сергей резко и неестественно бледнеет, подскочил к нему, снова поставил ему свой нож у переносицы и резко повернул его в воздухе. Словно бы острой раскалённой спицей это резкое ощущение удержало юношу от потери сознания.

— Чаю глотни! — сказал ему незнакомец. — Полегчает! Сильно оно тебя!

— Но подождите! — воскликнул Сергей. — Ведь не может же такого быть-то! Они же реально кто-то куда-то переезжает, кто-то переводится, не могут же они просто вот так вот все пропадать! И почему именно девятый класс-то?

— А потом вы все по колледжам расплзаетесь, по ПТУ, лицеям и прочему, а в девятом классе вас можно ещё хоть как-то по головам пересчитать. — ответил незнакомец. — А так все знают, что классы объединялись и что кто-то уходил в другие школы, но все воспринимают это как само собой разумеющееся, особенно там, где кто-то уезжал из деревни, или там, где этих классов было несколько.

— А как же это всё скрыть-то?

— Ну, для начала действительно организуются странные полуобоснованные переезды с заменами шила на мыло, чтобы движуху создать, и там уже — дело техники. Как говорится — было бы желание! Плюс мощнейший морок. Всё им накрыто, как колпаком.

— Так а что же со всеми этими детьми-то происходит?

— Как что? Их едят!

Конец ознакомительного отрывка.

<http://www.silentium.expert>